

ПОКОЛЕНЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РАБОТАЮЩИХ ВЗРОСЛЫХ О БЛАГОПОЛУЧИИ ЛЮДЕЙ ПРЕСТАРЕЛОГО ВОЗРАСТА

GENERATIONAL IDENTITY AND REPRESENTATIONS
ON SENIORS' WELLBEING SHARED BY WORKING ADULTS

Дробышева Татьяна Валерьевна — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии ФГБУН Института психологии РАН, tdrobysheva@mail.ru
Drobysheva Tatiana Valer'evna — PhD in Psychology, senior research fellow, Laboratory of Social and Economic Psychology, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, tdrobysheva@mail.ru

Аннотация: Представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи идентичности работающих взрослых с двумя предшествующими поколениями и их социальных представлений о благополучии престарелых людей. Ядерные элементы представлений включают суждения, указывающие, в большей степени, на ответственность семьи, чем общества, государства, власти. Выделено два критерия поколенческой идентичности — значимость и общность предшествующих поколений. Подтвердилось предположение: чем выше значимость и общность с предшествующим поколением, тем выше убежденность респондентов в ответственности семьи за благополучие престарелых.

Abstract: The results of empirical research on interrelation of working adults' identity with two previous generations and their social representations about seniors' wellbeing have been presented. The core elements of these representations include assertions indicating more family than society, state or authorities responsibility. There have been extracted two criteria of generational identity — significance and commonality of previous generations. The following assumption has been confirmed: the higher significance and commonality with the previous generation, the more assured are respondents in family responsibility for seniors' wellbeing.

Ключевые слова: поколенческая идентичность, социальные представления, благополучие престарелых людей, обыденное сознание, поколение работающих взрослых

Key words: generational identity, social representations, seniors' wellbeing, mundane consciousness, working adults generation.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФГФ, грант № 14-06-00434

Проблема исследования

Проблема исследования «поколенческой идентичности» связана с другой, не менее важной проблемой — выделения критериев отнесения людей к тому или иному поколению. Кроме хронологического возраста, специалисты (в первую очередь, — социологи, социальные философы и др) выделяют временные рамки формирования определенных возрастных групп, на которые приходится особо значимые, переломные периоды (см. также: [10; 17]). Так, по мнению Ю.А. Левады, одни и те же события конкретного исторического периода 20-летние, 40-летние и 60-летние переживают по-разному, т. к. находятся на разных стадиях социализации [7; и др.]. Коллективное переживание значимых событий, приверженность людей ключевым ценностям конкретного периода, идеологически окрашенным символам эпохи — все это является объединяющим основанием поколенческой общности [7; 14; 16; и др.]. Причем, как отмечает Е.Б. Шестопал, физический возраст может не совпадать с поколенческим статусом, т.е. люди разного возраста, но объединенные общностью политического (экономического, социального и др.) опыта могут быть включены в одно поколение [9]. Определяя поколение, И. Калита, весьма точно подметила, что это не столько хронологическая категория, сколько способ восприятия действительности; это общее самовыражение жизненного стиля, ценностей, символов и способов репрезентации, вызывающее взаимную эмпатию у людей при встрече, благодаря которому они подсознательно идентифицируют человека как своего [18].

В отличие от социологов и социальных философов, широко изучающих экономическую и политическую социализацию поколений, их социокультурную и социальную идентичность, специфику адаптации поколений к изменяющимся условиям, их ценности и идеалы, взаимодействие и преемственность между ними и многое другое (Н.А. Головин, М.А. Дуарова, Б.В. Дубин, В.Н. Иванов, Ю.А. Левада, В.Т. Лисовский, Е.С. Румянцева, А.А. Смолькин, Е.Б. Шестопал, Н.В. Шахматова и др.), психологи акцентируют внимание на психологических, историко-психологических и социально-психологических аспектах исследования данных феноменов. При этом изучаются: особенности межпоколенческих отношений в семье; психологические факторы отчуждения; механизмы трансмиссии элементов культуры, менталитета в контексте преемственности поколений; предпочитаемые способы совладания в процессе межпоколенческих конфликтов; социально-психоло-

гические особенности представителей разных поколений; феномен «разрыва поколений»; изменение отношения к другим поколениям в процессе взаимодействия с ними и т. п. (О.И. Маховская, М.В. Сапоровская, Н.В. Сиврикова, В.И. Пищик, Т.А. Петрова, М.И. Постникова, Т.И. Шнуренко и др.). Последнее направление исследований связано не столько с изучением самоидентификации представителей того или иного поколения, сколько с выявлением условий, факторов, механизмов изменения их отношения к другим поколениям. К примеру, в одном из наших исследований было обнаружено, что модальность чувств 30–40-летних по отношению к престарелым зависит от их опыта совместного проживания с родственниками такого же возраста [1]. Петрова Т.А. экспериментально подтвердила, что включенность молодых людей в жизнедеятельность старшего поколения (волонтерская деятельность) изменяет отношение респондентов не только к поколению пожилых, но и к будущему своего поколения (периоду старости) [8]. Т. е. изменение отношения к пожилым и престарелым людям зависит от характера межпоколенного взаимодействия.

В рамках данной работы особый интерес представляют данные о связи между идентичностью респондентов и их отношением к пожилым и престарелым. Так, А.А. Смолькин обнаружил, что наиболее стереотипизированы представления о старости как периоде беспомощности, зависимости от окружающих в группе респондентов предпенсионного возраста. Автор отметил, что негативный образ пожилого человека в данной группе ассоциируется с концом жизни, беспомощностью, безумием, изолированностью (забытые люди) [15]. Можно только предположить, что механизмом стигматизации пожилых в группе респондентов предпенсионного возраста явилось их нежелание идентифицировать себя с престарелыми. В работе Т.П. Емельяновой и А.А. Зининой была выявлена связь между типом социальных представлений молодежи и работающих взрослых о благополучии стариков в обществе и их социальной идентичностью. В частности, показано, что наиболее гармоничный (с позиции оценки собственного психологического благополучия) тип респондентов — носителей представлений о благополучии престарелых в обществе — идентифицирует себя не только с такими социальными группами как семья, единомышленники, но и с людьми своего возраста [4]. В нашем исследовании также обнаружено, что в сознании поколения «прагматиков» (30–40-летние) их общность с престарелыми людьми (поколением их бабушек и дедушек) связана с религиозной и гражданской идентичностью респондентов [1].

Итак, несмотря на доминирование социальных стереотипов старости в российском обществе, отношение к другому поколению в разных возрастных группах отличается. Во многом, это связано с тем, насколько представители того или иного поколения осознают свою общность с поколением престарелых людей, в чем именно она заключается, а также с тем, насколько значимо предшествующее поколение для них. Таким образом, *проблема* нашего исследования связана с изучением роли поколенческой идентичности в процессе формирования представлений о благополучии престарелых людей.

Методологической основой исследования явилась концепция социальных представлений С. Московичи, развиваемая в работах Ж.-К. Абрик, Д. Жодле, И.Б. Бовиной, Т.П. Емельяновой, Е. Пащенко-де Превиль и др., подробно изложенная в публикациях отечественных авторов [3; и др.], а также подход Ю.А. Левады к выделению поколений [7; и др.]

Программа исследования

Целью исследования стало выявление связи поколенческой идентичности и социальных представлений о благополучии престарелых людей в обществе в группе работающих взрослых. Предположили, что ядро социальных представлений работающих взрослых о благополучии престарелых по-разному связано с показателями идентичности с двумя предшествующими поколениями (родителей и бабушек/дедушек). Чем выше значимость и общность с предшествующими поколениями, тем выше убежденность респондентов в ответственности семьи за благополучие престарелых.

В исследовании принимали участие работающие взрослые — жители г. Москвы в возрасте от 30 до 50 лет (100 чел.). Из выборки были исключены респонденты предпенсионного возраста (от 50 до 55 лет), поскольку по данным исследователей [15; и др.] данная группа людей имеет существенные отличия в представлениях о престарелых людях в сравнении с теми, кому от 30 до 50 лет. Асимметрия распределения выборки по полу: 65% женщин и 35% мужчин. Две трети из них состояли в официальном или в гражданском браке, остальные в браке не состояли. Опыт взаимодействия с престарелыми людьми определяли по следующим критериям: наличие/отсутствие престарелых родственников; совместное/раздельное проживание с ними. Выявлено, что 80% всех респондентов имеют престарелых родственников, но более половины из них проживают отдельно. Все респонденты по возрасту отно-

сятся к двум поколениям людей (по классификации Ю.А. Левады). Это те, чье личностное становление (этап первичной социализации) пришлось на конец периода т.н. «застоя» (1964–1985 гг.) и период «перестройки» и «реформ» (асимметрия распределения сдвинута вправо). Эквивалентность двух групп проверялась (кр. Манна-Уитни, при $p < 0.05$) по показателям: ценностных ориентаций, социальной идентичности и представлениям о престарелых. Различия обнаружены в представлении «Престарелые люди сами должны объединяться по интересам» на уровне тенденции ($p = 0.045$). По остальным показателям различий не выявлено. В связи с этим данные респондентов будут рассматриваться как результаты, характерные для одной группы.

Методы исследования. Набор шкал для оценки структуры социальных представлений (СП) о положении престарелых в обществе выделяли на этапе пилотажного исследования. Данный набор включал 24 утверждения, по отношению к которым нужно было по пятибалльной шкале Лайкерта выразить степень согласия. После этого структура СП определялась путем математического подсчета коэффициента позитивных ответов, предложенного Ж.-К. Абриком (Емельянова, 2016 и др.). Суждения, получившие высокую степень согласия (более 50%), были отнесены к ядру исследованных представлений, менее 50% — к их периферии. Дополнительно применяли анкетирование, методику диагностики ценностных ориентаций Е.Б. Фанталовой; методическую разработку «Поколенческая идентичность» (авт. Т.П. Емельянова, Т.В. Дробышева). Респонденты оценивали по 7-балльной шкале степень значимости трех поколений — своего, родителей и поколения бабушек и дедушек по 12 утверждениям. Статистическая обработка данных проводилась в программе SPSS.22. В работе применяли дескриптивную статистику, медианный, частотный анализ, критерий Спирмена (при $p < 0.05$).

Результаты исследования и их обсуждение

Взаимосвязь значимости и общности двух предшествующих поколений в группе работающих взрослых. Идентифицируя себя с другим поколением, респонденты оценивали те аспекты психологической связи с предшествующим поколением, которые демонстрируют значимость этого поколения как объекта идентификации. Анализируя распределение показателей значимости представителей первого (поколение родителей) и второго (бабушек и дедушек) предшествующих поколений выявлено, что значимость

поколения родителей для респондентов в целом выше, чем поколения бабушек и дедушек. Заметим, поколение родителей респондентов (большая часть из них относится к поколению «застоя» [7], т. е. годы рождения — с середины 40-х и до конца 60-х гг.) формировалось в «советский период», воспоминания о котором, по данным исследователей коллективной памяти, в настоящее время имеют больше позитивную, чем негативную модальность [2; и др.]. Обнаружили¹, что для участников исследования поколение родителей является «образцом, примером для подражания» (51%); оно выполняет защитную функцию, поддерживает их (55%). Респонденты указали, что постоянно помнят о представителях поколения родителей (50%), доверяют им (47%), чувствуют близость и испытывают к ним позитивные чувства (любовь) (47%).

Корреляционный анализ (по кр. Спирмена, при $p < 0.05$) показателей общности респондентов с поколением родителей и значимости для них этого поколения показал следующее. По мнению участников исследования, *общность их интересов и мировоззрения с поколением родителей базируется на том, что родители «обеспечивали (обеспечивают) их благополучие»* ($r=0.24$; $p=0.016$), а также на доверии респондентов поколению родителей ($r=0.229$; $p=0.022$). В их сознании *общность ответственности за будущее своей страны, своего народа* с поколением родителей связана с тем, что это поколение влияет (влияло) на те решения, которые они принимали в своей жизни ($r=0.198$; $p=0.049$), а также с тем, что поколение родителей обеспечивало (обеспечивает) их благополучие ($r=0.199$; $p=0.049$). То есть, идентичность работающих взрослых с поколением их родителей включает общность интересов, мировоззрения и чувства ответственности за будущее своей страны. В основе этой идентичности лежит понимание респондентами той роли, которую сыграли представители поколения родителей — обеспечили им благополучие на разных этапах жизненного пути, помогали принимать решения, следствием чего стало доверие 30–50-летних людей к поколению родителей.

Распределение показателей значимости для респондентов поколения бабушек и дедушек показало следующее. Память о нем поддерживает более половины (55%) участников исследования, чувство близости с ним выразили 43% респондентов, третья часть выборки согласилась с тем, что поколение бабушек и дедушек является для них образцом, примером для подражания, и они доверяют (доверяли) им (35% выборки). Принимая во внимание тот факт,

¹ Ниже приведены значения только высокой степени согласия с данными суждениями.

что более 80% выборки имеют (имели) престарелых родственников, а примерно половина респондентов проживает с ними вместе (общность места проживания), можно сделать вывод, что значимость второго предшествующего поколения в сознании участников исследования во многом детерминирована личным опытом непосредственного взаимодействия работающих взрослых, принимавших участие в исследовании, с родственниками престарелого возраста. Корреляционный анализ (по Спирмену, при $p < 0.05$) показателей общности респондентов с поколением бабушек и дедушек, а также значимости этого поколения в сознании участников исследования выявил следующее. По их мнению, *общность интересов и мировоззрения* со вторым предшествующим поколением основанию на том влиянии бабушек и дедушек, которое они оказывали на поведение внуков («под их влиянием я часто делал то, что не собирался делать») ($r=0.217$; $p=0.03$). Данный факт косвенно указывает на значимость второго предшествующего поколения как агентов первичной социализации в процессе формирования волевой сферы, регуляции поведения личности. Осознание же респондентами *общности* с представителями второго предшествующего поколения по *национальному* признаку базируется на оценках значимости поколения бабушек и дедушек как людей, которые являются «образцом, примером для подражания» ($r=0.21$; $p=0.037$), «временами сильно давили» на них ($r=0.224$; $p=0.025$), но при этом заботились о благополучии респондентов ($r=0.24$; $p=0.016$). Данная связь во-многом демонстрирует характеристики российского менталитета участников исследования, которые проявляются в специфике воспитания в российских семьях (завышенные ожидания, повышенный контроль за ребенком, гиперопека и т. п.) [6; и лр.]. А вот *общность ответственности за будущее страны, своего народа*, респонденты связывают с памятью о поколении бабушек и дедушек («постоянно помню о нем, он занимает мои мысли») ($r=0.195$; $p=0.05$).

Взаимосвязь социальных представлений (СП) о благополучии престарелых в обществе и поколенческой идентичности в группе работающих взрослых. В результате подсчета коэффициента позитивных ответов, выявлено содержание двух компонентов СП — ядра и периферии. Как отмечают исследователи, развивающие структурный подход к изучению СП, ядерные элементы, включенные в центральную систему представлений, наиболее устойчивы к воздействиям изменяющегося социума, в то время как периферийные элементы более динамичны (Т.П. Емельянова, Е. Пащенко-де Превиль и др.).

В рамках данной публикации остановимся на содержании ядра СП, в которое вошло семь суждений.: именно: «Ответственность за стариков должна воспитываться с детства» (87²), «Власти должны обеспечить достойное качество жизни старикам» (78), «Цивилизованное общество должно поддерживать старых и слабых» (73), «Долг младших поколений позаботиться о своих стариках» (70), «Престарелые люди часто не получают поддержку от государства» (69), «Долг семьи — обеспечить достойную старость своим близким» (67), «Моральные обязательства семьи перед стариками — основа основ» (66). Как можно заметить, ядерные элементы СП работающих взрослых указывают на внешнюю атрибуцию ответственности за благополучие престарелых людей в обществе. Речь идет об ответственности семьи, включая ее младшее поколение. В сознании респондентов перенос ответственности на семью с общества в целом связан с тем, что старики, по их мнению, часто не получают этой поддержки от государства. В связи с чем контекст отношений общества с поколением престарелых в представлении работающих взрослых выражен в осознании ими долга государства перед людьми, которые внесли свой вклад в развитие страны, а не реальной поддержки стариков властью. Суждения, указывающие на внутреннюю атрибуцию, т. е. перенос ответственности за благополучие на самих стариков, были вытеснены на периферию изучавшихся представлений.

Взаимосвязь ядерных элементов СП о благополучии престарелых и показателей поколенческой идентичности (значимость, общность поколения респондентов с двумя предшествующими поколениями) выявлялась по критерию Спирмена (при $p < 0.05$).

Из данных таблицы 1 можно увидеть, что в сознании работающих взрослых суждения *об ответственности и долге семьи* (в том числе, о воспитании этих чувств с детства) перед старшим поколением основаны на оценках значимости представителей поколения родителей как «образца, примера для подражания». Они осознают свою близость, любовь, взаимозависимость с этим поколением, степень их влияния на принятие решений и поведение респондентами. Поколение родителей дало им и чувство защищенности. Все вышеперечисленное обуславливает представления респондентов о долге, моральной ответственности семьи перед стариками. Можно сказать, что взаимопонимание и доверие к представителям поколения родителей являются психологическим фактором конструирования представлений об ответственности семьи и общества относительно благополучия стариков. Причем, если представления о моральных обязательствах семьи (включая ее младшее по-

Таблица 1. Взаимосвязь суждений ядра СП о благополучии престарелых в обществе и показателей значимости поколения родителей (по критерию Спирмена, при $p \leq 0.05^*$; $p \leq 0.001^{}$)**

Суждения ядра СП / представления о значимости поколения родителей	Долг семьи — обеспечить достойную старость своим близким	Моральные обязательства семьи перед стариками — основа основ	Ответственность за стариков должна воспитываться с детства	Цивилизованное общество должно поддерживать старых и слабых
является для меня образцом, примером для подражания	0,49**	0,37**	0,316**	0,24*
его советам всегда следую	0,24*	—	—	—
люблю, чувствую близость с ним	0,40**	0,21*	0,22*	0,24*
защищает меня, поддерживает	0,33**	0,23*	0,27*	—
занимает мои мысли, часто думаю о нем	0,34**	0,22*	0,24*	0,23*
влияет на мои решения, поведение	0,24*	—	—	0,27*
обеспечивает (обеспечивал) мое благополучие	0,33**	—	—	—
полностью доверяю ему	0,35**	0,35**	0,34**	0,28*
чувствую зависимость от него	0,32**	0,32**	0,22*	
понимает (понимал) меня	0,33**	0,24*	0,25*	0,26*

коление) за благополучие престарелых связаны с осознанием респондентами своей взаимозависимости с поколением родителей, с проявлением к ним чувства доверия и любви, взаимопонимания, то представления о долге семьи по отношению к старшему поколению основываются еще и на понимании респондентами того факта, что поколение родителей обеспечивало (обеспечивает) их собственное благополучие. Данный факт косвенно указывает на временную перспективу, которую выстраивают в своем сознании респонденты относительно будущего своего поколения и поколения своих родителей.

Последующий корреляционный анализ (кр. Спирмена, при $p < 0.05$) показателей общности поколения респондентов с поколением родителей и ядерных элементов изучаемых СП выявил

следующее. В обыденном сознании работающих взрослых представления о том, что *«моральные обязательства семьи перед стариками — основа основ»* ($r=0.221$; $p=0.27$) и *«долг младших поколений — позаботиться о своих стариках»* связаны с общностью места проживания двух поколений (квартира, город, район проживания) ($r=0.213$; $p=0.33$), а последнее из двух суждений коррелирует еще и с общностью вероисповедания двух поколений ($r=0.23$; $p=0.022$).

Обнаружена связь между суждением *«долг семьи обеспечить достойную старость своим близким»* и выраженностью общего показателя идентификации респондентов с поколением родителей ($r=0.212$; $p=0.034$). То есть, чем выше показатели идентичности с поколением родителей, основанные на общности вероисповедания и совместного проживания, тем более выражено согласие респондентов с тем, что забота о стариках — долг семьи в целом, особенно, младшего поколения. Также выявлена корреляционная связь между суждениями *«престарелые люди часто не получают должную поддержку от государства»* ($r=0.212$; $p=0.034$), *«цивилизованное общество должно поддерживать старых и слабых»* ($r=0.28$; $p=0.004$) и общностью интересов, мировоззрения респондентов с представителями поколения их родителей. То есть, можно предположить, что данные СП конструируются поколением родителей, они отражают их точку зрения, но разделяются и поколением участников исследования. Принимая во внимание выявленные ранее корреляционные связи вышеперечисленных представлений с показателями значимости поколения родителей, можно сделать *промежуточный вывод* о том, что осознание респондентами чувства защищенности, доверия, взаимопонимания, взаимозависимости с поколением родителей выступает в качестве психологического фактора идентичности поколений «детей» и «отцов» в рамках семьи (не общества). В совокупности же все эти характеристики обуславливают конструирование работающими взрослыми представлений о долге и ответственности семьи за благополучие стариков. Причем акцент делается на перенос ответственности за благополучие стариков с общества на семью. Таким образом, в группе работающих взрослых выявлена двухступенчатая связь идентичности с поколением родителей и конструируемых СП о благополучии престарелых в обществе.

Корреляционный анализ СП о благополучии престарелых людей в обществе и показателей значимости второго предшествующего поколения выявил, что представления о долге и обязательствах семьи перед стариками связаны с восприятием представителей

поколения дедушек и бабушек как «образца, примера для подражания», которым доверяют, о которых помнят, думают. По всей видимости, память о них выполняет функцию защиты (таб. 2). Психологическая связь строится на доверии, уважении, значимости. Как можно заметить, в обыденном сознании респондентов ответственность властных структур за благополучие старых людей связана с тем, помнят об этом поколении респонденты или нет. По всей видимости, суждения о долге государства и отсутствии с его стороны должной поддержки престарелым, порождаются дискурсом, но в эту проблему респонденты лично не включены.

Последующий корреляционный анализ ядерных суждений СП и критериев общности респондентов со вторым предшествующим поколением показал следующее. Суждение о том, что «*долг младших поколений позаботиться о своих стариках*» ($r=0.21$; $p=0.033$), в сознании респондентов связано с общностью их места проживания с представителями старшего поколения и общностью их вероисповедания ($r=0.23$; $p=0.022$), в то время как понимание ими того, что «*ответственность за стариков должна воспитываться с детства*» обусловлено только общностью места проживания ($r=0.21$; $p=0.027$). Утверждения «*престарелые люди часто не получают должную поддержку от государства*» ($r=0.21$; $p=0.034$) и «*циви-*

Табл. 2. Взаимосвязь суждений ядра СП о благополучии престарелых в обществе и показателей значимости второго предшествующего поколения (по критерию Спирмена, при $p<0.05^*$; $p<0.001^{}$)**

Суждения ядра СП / представления о значимости поколения бабушек и дедушек	Власти должны обеспечить достойное качество жизни старикам	Престарелые люди часто не получают должную поддержку от государства	Долг семьи — обеспечить достойную старость своим близким	Моральные обязательства семьи перед стариками — основа основ
является для меня образцом, примером для подражания	–			0,26*
его советам всегда следую	–			0,24*
защищает меня, поддерживает	–		0,24*	0,29*
занимает мои мысли, часто думаю о нем	0,23*	0,20*	0,22*	0,22*
полностью доверяю ему	–	–	–	0,33**

лизованное общество должно поддерживать старых и слабых» ($r=0.28$; $p=0.004$) связаны с общностью интересов, мировоззрения респондентов с поколением их бабушек и дедушек. Напомним, что аналогичные результаты были получены относительно идентичности респондентов с поколением родителей. Т. е. в процессе конструирования СП о роли общества в благополучии стариков и неудовлетворительном выполнении государством своих функций по поддержанию старых людей, работающие взрослые основываются на общности своих интересов и мировоззрения с двумя предшествующими поколениями.

Заключение

Результаты исследования показали, что ядерные элементы изучавшихся представлений о благополучии стариков включают суждения, в большей степени, указывающие на ответственность семьи, чем общества в целом. В обыденном сознании респондентов усиление функции семьи и снижение значимости государственной поддержки стариков во многом определяются их неверием в то, что государство может защитить старшее поколение, обеспечив ему достойную старость.

Выявлено, что в процессе конструирования представлений о благополучии престарелых, респонденты опираются на критерии значимости и общности двух предшествующих поколений, которые раскрывают содержание поколенческой идентичности. Подтвердилось следующее предположение: чем выше значимость и общность с предшествующим поколением, тем выше убежденность респондентов в ответственности семьи за благополучие престарелых.

В последнее время в общественном дискурсе и научных исследованиях, в том числе и психологов активно обсуждаются вопросы трансформации института семьи, конфликта поколений в российском обществе, нарастающего разрыва в поколениях и взаимном непонимании «отцов» и «детей» [11; 12; 13; и др.]. Предлагаются разные способы преодоления этих проблем — разработка и внедрение технологий ценностного отношения к престарелым людям, воспитание преемственности в межпоколенческих отношениях в семье, развитие института волонтерства и т. п. Заметим, что поиск механизмов и способов преодоления межпоколенных конфликтов может быть направлен и на выявление факторов межпоколенной общности, включающей традиционную для россиян ценность — ответственность младших поколений за благополучие стариков.

Литература

1. Дробышева Т. В., Шерстнев С. М. Престарелые люди в обыденном сознании «поколения прагматиков»: эмоционально ценностный аспект ответственности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. 2014. Т. 3. № 4. С. 339–343.
2. Емельянова Т. П. Коллективная память о советском прошлом: назад в СССР? // Психологические исследования. 2006. 9 (47). 4. <http://pay.study.ru>.
3. Емельянова Т. П. Социальные представления: История, теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 476 с.
4. Емельянова Т. П., Зинина А. А. Атрибуция ответственности за психологическое благополучие престарелых людей в представлениях студенческой молодежи и работающих взрослых // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 2. Эл.: <http://journals.mosgu.ru/zpu/article/view/127> (дата обращения: 10.08.2016) DOI: <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2015.2.28>
5. Журавлев А. Л., Нестик Т. А., Соснин В. А. Проблема психологических технологий в современной психологии // Вызовы эпохи в аспекте психологической науки и практики: Материалы V Международной научно-практической конференции. Казань, 2011. С. 158–163.
6. Историкогенез и современное состояние российского менталитета / Отв. ред. В. А. Кольцова, Е. В. Харитонова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. 479 с.
7. Левада Ю. А. Ищем человека: социологические очерки, 2000–2005. М.: Новое издательство, 2006. 381 с.
8. Петрова Т. А. Динамика отношения к старости у молодежи в процессе практики межпоколенного взаимодействия. Автореф. ... канд. психол. наук. СПб., 2008. 26 с.
9. Политическая социализация российских граждан в период трансформации / Под ред. Е. Б. Шестопаля. М.: Новый хронограф, 2008. 551 с.
10. Принципы развития в современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
11. Психологические исследования проблем современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. 502 с.
12. Психологические проблемы семьи и личности в мегаполисе / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. И. Ляшенко, В. Е. Иноземцева, Д. В. Ушаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
13. Психологические проблемы современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 575 с.
14. Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / Отв. ред. В. С. Степин. М.: Наука, 2007.
15. Смолькин А. А. Социокультурная динамика отношения к старости. Автореф. ... канд. социол. наук. Саратов, 2004. 20 с.
16. Современная социальная реальность России и государственное управление: социальная и социально-политическая ситуация в России в 2012 году: в 2-х т. Том 1. М.: ИСПИ РАН, 2014.
17. Феномен и категория зрелости в психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
18. Kalita I. Generational Identity (New Literature at the Crossroads of Modernity) // North American, European and Russian literature: modern problems of study. CIBUNET Publishing Monograph Series No. 2, Ed. by M. Asper. — New York, CIBUNET Publishing — NGO Premier — ORT Publishing, 2013. p. 3–22.